

О Бунине и его рассказе

Рассказ «Господин из Сан-Франциско», вместе с «Антоновскими яблоками», «Суходолом», «Деревней», представляет собой классический пласт бунинской прозы.

Рассказ появился в 1915, сразу же имел шумный успех, последовали одно за другим его издания и переводы на иностранные языки.

Шла первая мировая война, в которую ввергли народы Европы банковские воротилы, миллионеры, промышленники, пожелавшие в борьбе за рынки, рост своего богатства и могущества перекроить границы государств. К этой схватке хищников небезучастной была и Америка, финансировавшая то ту, то другую из сторон. Именно в американском бизнесе с наибольшей яркостью проявлялись коренные противоречия капитализма, которые постоянно разжигают войны. Бунин и изобразил тип миллионера, который может распоряжаться судьбами других, наживаться на крови и слезах людей наемного труда. «Вот они, хозяева жизни! – как бы указывал Бунин своим рассказом всему миру, – Вот как они живут, веселятся, прожигают жизнь, они и за все в ответе!» Именно этот возглас был услышан в рассказе Бунина читателями всех континентов. Рассказ большой памфлетной и обобщающей художественной силы сохраняет свое значение и до сих пор.

<...>

Почему рассказ называется «Господин из Сан-Франциско»? Америка как символ богатства, как самая развитая империалистическая держава давала право на такое название. Миллионер едет из Америки с женой и дочерью, чтобы повеселиться в Европе. Но почему этот «господин» именно из Сан-Франциско? Ведь он с равным успехом мог быть и из Нью-Йорка, и из Чикаго? Эти города — тоже символы преуспевающей Америки. Конечно, тут не было принципиального выбора. В Америке везде делают деньги. Но что-то особенное говорило душе Бунина, что его «господин» грядет «из Сан-Франциско». Этот город прославился после «золотой лихорадки» второй половины прошлого века, когда в Клондайке было открыто золото. В Калифорнию хлынули тысячи авантюристов, чтобы нажиться. Сюда шла и русская, и украинская эмиграция... Не чужд был Сан-Франциско русскому сознанию и по воспоминаниям прошлого: ведь когда-то от Аляски, далеко вниз по побережью, до самого места, где будет основан Сан-Франциско, тянулись русские владения; первые землепроходцы оставили тут свои фактории. В деловую Америку отправляется Лопухов в романе Чернышевского «Что делать?». В «Бесах» Достоевского, в рассказе Короленко «Без языка» герои спешат съездить в Америку попытать счастья. По Фенимору Куперу американцами воображают себя герои рассказа «Мальчики» у Чехова. Энциклопедический справочник Брокгауза и Эфрона в 1900 уже фиксировал гигантское развитие монополий, финансовых операций в Сан-Франциско, город захватил в свои руки всю торговлю на Тихоокеанском побережье с Мексикой, Китаем, Японией, Австралией. В 1906 «Нива» печатала фотографии о колоссальном землетрясении в Сан-Франциско, принесшем много разрушений и страданий; внимание всего мира было приковано к Сан-Франциско как сенсации дня. После этого печать систематически сообщала о новом бурном росте города, принимавшего вполне современный вид со своими небоскребами, банками и новым взлетом экономического могущества.

Бунин в своем рассказе рисует не определенную человеческую индивидуальность, а устоявшийся социальный тип миллионера, не имеющего ни души, ни имени. Писатель не показывает напрямую насилие, эксплуатацию, при помощи которых «господин» разбогател. Но на все это есть намеки в рассказе. «Китайцы, которых он выписывал к себе

на работу целыми тысячами, хорошо знали, что это значит!» — то есть что значит работать на него не покладая рук. Сотни людей продолжают трудиться на «господина» и на гигантском пароходе «Атлантида», на котором, он плывет из Сан-Франциско в Неаполь. Картины все время даются по контрасту. «Господин» и «господа» в баре пьют виски и ликеры, в ресторанах всё к их услугам: лангусты, ростбиф, спаржа, фазаны. Кругом смокинги, изысканные туалеты дам, зеркала, мягкая мебель и все удобства, музыка и чад от гаванских сигар, а на мостиках вахтенные мерзли и шалели от непосильного напряжения, а в подводной утробе парохода — этом девятом круге ада — «глухо гоготали исполинские топки, пожирившие своими раскаленными зевами груды каменного угля, с грохотом ввергаемого в них облитыми едким, грязным потом и по пояс голыми людьми...»; «великое множество слуг работало в поварских, судомойнях и винных подвалах».

И внешность, и привычки, и поведение «господина» из Сан-Франциско не носят на себе печати живого: это подделка, эрзац, маскарад. Награбленное золото везде проржавело, превратив «господина» в своего раба чуждого высоких помыслов. Он следует моде, сложившейся среди людей его круга: к шестидесяти годам посетить Старый Свет, о котором столько наслышан. Маршрут вояжа обширный: Европа, Египет, Индия, Япония — все расписано по месяцам. Но в его планах — бездуховные улады: поволочиться за молоденькими неаполитанками, посетить автомобильные и парусные гонки в Ницце, сыграть в рулетку в Монте-Карло, отстоять для приличия мессу в Риме. Никакого благородства, никакого рыцарства — одно чревоугодие и плотские наслаждения на уме. Чемоданы и сундуки несут, везут готовые к услугам руки, гиды ждут у трапа, в гостиницах отведены лучшие номера, метрдотели предлагают лучшие меню. «Господин» самоуверен, надменен, с золотом в кармане, золото блестит на вставных пломбах, под коробящейся крахмальной рубашкой нет сердца, из тугого воротничка выглядывает ординарная физиономия с подстриженными серебряными усами. Этот хищный тип дельца, колониалиста намечен был Буниным еще в предыдущих произведениях: «Петлистые уши», «Братья», «Соотечественник». Наиболее целостную типизацию все эти мелочи с американским колоритом получили в рассказе «Господин из Сан-Франциско».

Бунин искусно дает почувствовать, как мертвящий отблеск этого «господина» ложится и на его жену, не отличавшуюся впечатлительностью, и дочь, девушку на возрасте, всецело занятую улавлением женихов. В земном раю для богачей вертится подкупленная хозяином парочка, изображающая влюбленных молодоженов, — это тоже маскарад, подделка под жизнь. Искусственность кругами расходится от плотоядного «господина». Мертвым светом освещены и музеи, которые он посещает; «золотыми удавами фонарей» заиграла пристань, к которой причалил «господин»; «пальмы блистали жемчужно» у гостиницы, в которую он прибыл.

В рассказе четко расставлены символы, долженствующие напомнить о неизбежной гибели этого царства наживы и похоти. Недаром проводится параллель между жизнью современного магната и Тиверием — римским императором-тираном, — чей дворец в развалинах красуется на Капри, куда прибыл наш «господин» и где ему суждено было окончить свой век. Может быть, недаром и корабль-ресторан назван «Атлантидой», по имени государства, согласно древним преданиям, погибшего от страшной катастрофы в мире, и теперь пир на ее палубах — не к добру, пир на краю пропасти. В рассказе не раз символично подчеркивается: «океан бурно за стеной ходил черными горами». «Господин» умер в читальне отеля, перед роскошным обедом, неожиданно, сразу: «между строк газеты что-то вспыхнуло перед ним стеклянным блеском, шея напряжилась и глаза выпучились, тело поползло с дивана, извиваясь, ботинки каблуками задрали ковер». Какое-то бесовское предопределение о расплате за награбленное как проклятие висело над «господином». И когда в ящике из-под английской содовой воды, а потом в засмоленном гробу в трюме везли тело «господина» обратно в Сан-Франциско,

на Гибралтаре маячила мрачная фигура Дьявола, провожавшая его. Бунин не побоялся такой прямой символики — богач всегда служил нечистой силе.

Привыкший все в жизни мерить на золото, «господин» всегда был уверен в успехе: он платил за все услуги, и от него ждали подачки. Но только «господина» хватил удар, хозяин гостиницы не стал церемониться. Тело он не разрешил положить в номере, чтобы не отбить клиентов. «Господин» стал вещью. Хозяину вдруг стали совсем не интересны те пустяки, что могли теперь оставить в его кассе приехавшие из Сан-Франциско. Даже коридорный толстячок, бомбино Луиджи, перед страшной дверью дешевого номера, где теперь лежало тело «господина», передразнивал прежде связанные с ним церемонии: «Вы звонили, синьор?» — «Да, входите...». Но «господин» ничего уже не просил, он отправился на тот свет. И непоседа Луиджи помахивал ему ручкой с привычным для итальянцев жестом, когда вагоны трогаются: «Partenza!», то есть счастливой дороги, а окружавшие его горничные давились беззвучным смехом.

Бесславно окончилась жизнь «господина». Бунин проводит при этом определенную философскую концепцию о тщете мирских сует. Но смысл рассказа все же не в этом. А в борьбе с капиталом, который проводит свою опустошительную работу в душе человека, делает миллионы людей рабами, гонит их на смерть. Машины «Атлантиды» вращают гребной вал с «подавляющей человеческую душу неукоснительностью». Тут тоже своя символика: машина капитализма, машина мировой войны — чужды всему человеческому. Размышления о судьбах мира, цивилизации подогревали воображение писателя. Вот его запись тех же дней:

«Говорят все эти Брианы, Милюковы, а мы ровно ничего не значим. Миллионы народа гонят на убой, а мы можем только возмущаться, не больше. Древнее рабство? Сейчас рабство такое, по сравнению с которым древнее рабство — сущий пустяк».

Рассказ «Господин из Сан-Франциско» и был попыткой поднять свою писательскую значимость, громко сказать о бесчеловечности и беззакониях тех, кто правит миром, о том, что эти властелины обречены, лишены будущего.

Исхода из социальных противоречий современности Бунин не знал. Но в рассказе «Господин из Сан-Франциско» подспудно пробивается оптимизм автора: повсюду бушует неподдельная народная жизнь. Вот по скалистой дороге Капри бредут два абруццских горца с волынкой и цевницей, народные певцы. Удачливый рыбак Лоренцо, гуляка и красавец, знаменитый по всей Италии, не раз служивший моделью многим живописцам, ночью поймал двух омаров и продал их за бесценок. Вот оживленный итальянский базар, колоритные народные типы, нравы, сцены... А кругом красота синевы гор и неба, которую бессильно выразить человеческое слово...

ГОСПОДИН ИЗ САН-ФРАНЦИСКО

Господин из Сан-Франциско — имени его ни в Неаполе, ни на Капри никто не запомнил — ехал в Старый Свет на целых два года, с женой и дочерью, единственно ради развлечения.

Он был твердо уверен, что имеет полное право на отдых, на удовольствия, на путешествие во всех отношениях отличное. Для такой уверенности у него был тот довод, что, во-первых, он был богат, а во-вторых, только что приступал к жизни, несмотря на свои пятьдесят восемь лет. До этой поры он не жил, а лишь существовал, правда, очень недурно, но все же возлагая все надежды на будущее. Он работал не покладая рук, — китайцы, которых он выписывал к себе на работы целыми тысячами, хорошо знали, что это значит! — и наконец увидел, что сделано уже много, что он почти сравнялся с теми, кого некогда взял себе за образец, и решил передохнуть. Люди, к которым принадлежал он, имели обычай начинать наслаждение жизнью с поездки в Европу, в Индию, в Египет. Положил и он поступить так же. Конечно, он хотел вознаградить за годы труда прежде всего себя; однако рад был и за жену с дочерью. Жена его никогда не отличалась особой впечатлительностью, но ведь все пожилые американки страстные путешественницы. А что до дочери, девушки на возрасте и слегка болезненной, то для нее путешествие было прямо необходимо: не говоря уже о пользе для здоровья, разве не бывает в путешествиях счастливых встреч? Тут иной раз сидишь за столом и рассматриваешь фрески рядом с миллиардером.

Маршрут был выработан господином из Сан-Франциско обширный. В декабре и январе он надеялся наслаждаться солнцем Южной Италии, памятниками древности, тарантеллой, серенадами бродячих певцов и тем, что люди в его годы чувствуют особенно тонко, — любовью молоденьких неаполитанок, пусть даже и не совсем бескорыстной; карнавал он думал провести в Ницце, в Монте-Карло, куда в эту пору стекается самое отборное общество, где одни с азартом предаются автомобильным и парусным гонкам, другие рулетке, третьи тому, что принято называть флиртом, а четвертые — стрельбе в голубей, которые очень красиво взвиваются из садков над изумрудным газоном, на фоне моря цвета незабудок, и тотчас же стучаются белыми комочками о землю; начало марта он хотел посвятить Флоренции, к страстям господним приехать в Рим, чтобы слушать там Miserere; входили в его планы и Венеция, и Париж, и бой быков в Севилье, и купанье на английских островах, и Афины, и Константинополь, и Палестина, и Египет, и даже Япония, — разумеется, уже на обратном пути... И все пошло сперва прекрасно.

Был конец ноября, до самого Гибралтара пришлось плыть то в ледяной мгле, то среди бури с мокрым снегом; но плыли вполне благополучно. Пассажиров было много, пароход — знаменитая «Атлантида» — был похож на громадный отель со всеми удобствами, — с ночным баром, с восточными банями, с собственной газетой, — и жизнь на нем протекала весьма размеренно: вставали рано, при трубных звуках, резко раздававшихся по коридорам еще в тот сумрачный час, когда так медленно и неприветливо светало над серо-зеленой водяной пустыней, тяжело волновавшейся в тумане; накинув фланелевые пижамы, пили кофе, шоколад, какао; затем садились в ванны, делали гимнастику, возбуждая аппетит и хорошее самочувствие, совершали дневные туалеты и шли к первому завтраку; до одиннадцати часов полагалось бодро гулять по палубам, дыша холодной свежестью океана, или играть в шешфльборд и другие игры для нового возбуждения аппетита, а в одиннадцать — подкрепляться бутербродами с бульоном; подкрепившись, с удовольствием читали газету и спокойно ждали второго завтрака, еще более питательного и разнообразного, чем первый; следующие два часа посвящались отдыху; все палубы были заставлены тогда длинными камышовыми креслами, на которых путешественники лежали, укрывшись пледами, глядя на облачное небо и на пенистые бугры, мелькавшие за бортом, или сладко задремывая; в пятом часу их, освеженных и повеселевших, поили крепким душистым чаем с печеньями; в семь повешали трубными сигналами о том, что составляло главнейшую цель всего этого существования, венец его... И тут господин из Сан-Франциско спешил в свою богатую кабину — одеваться.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной научной
библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66